

ЛАРИСА РАЗДОБУДЬКО-ЧОВИЧ

МИФОЛОГЕМА «ВОЛК» В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Аннотация. Как в мировой, так и в славянской мифологии одной из широко употребляемых в литературе является мифологема «волк». Михаил Булгаков, вводя известную в истории мировой культуры мифологему «волк» в свои тексты, одновременно переосмысляет ее значение, конструирует на этой основе создает сложно организованный свой вариант этой мифологемы. В произведениях Булгакова отдельные семы архетипического значения актуализируются в зависимости от конкретной ситуации, от окружающего контекста. Ему удастся адекватно реализовать образ не только затравленного человека-волка, как «мифологического» персонажа, но и атрибутов, характерных для волка, но приписываемых человеку.

Ключевые слова. Мифологема, архетип, мит, сема, гельштат, фрейм, сценарий, концепт.

Как в мировой, и в так славянской мифологии мифологема «волк» является одной из широко употребляемых в авангардной литературе.

Как известно, архетип — бессознательная категория, реализующаяся независимо от намерений человека. Архетип сформировался в донациональный период и поэтому един для всех людей, независимо от их национальной принадлежности. Таким образом, архетип, возможно, и есть то общечеловеческое, что позволяет каждому найти себя в том или ином архетипе.

Если принять во внимание, что архетип наиболее адекватно реализуется в мифе, значение того или иного архетипа может быть реконструировано при соотнесении между собой значений одинаковых мифологем из различных мифологий. То общее, что обнаружится в результате такого соотнесения, и будет, по всей видимости, значением архетипа.

Образ волка достаточно архаичен. Для интерпретации данного мотива вполне может быть применена категория архетипа. По Колченковой, мифологема *волка* была обнаружена в 24-х национальных мифологиях (Колченкова 2007). Это шумеро-аккадская, египетская, этрусская, древнекитайская, греческая и другие мифологии. Всего было рассмотрено 70 мифологем.¹ Определив значения мифологем *волка* в каждом конкретном случае, все отмеченные значения были соотнесены друг с другом. В результате выявилось несколько сем, которые как бы составляют архетипическое значение *волка*.

Архетип *волка* многозначен (полисемантичен) и включает в себя 11 сем. Одни семы более частотны, другие — менее. Причем, в ряде мифологем могут актуализироваться сразу несколько сем.

В архетипе *волка* можно выделить следующие семы:

- волк как сильное животное;
- волк как одна из форм существования оборотня;
- волк как животное, помогающее или служащее высшим силам и человеку;
- волк как злое начало;
- волк как враждебное человеку животное;
- волк как наказание, посылаемое свыше;
- волк-тотем;
- волк как хтоническое (сверхъестественное) чудовище;
- волк как знамение;
- волк как «участник» конца света;
- волк как доброе начало; и, наконец;
- волчица, вскормившая младенца в лесу.

Во всех выше указанных семах волк, как правило, нейтрален за исключением только двух сем: *волк как злое начало* и *волк как доброе начало*, которые несут в себе явно выраженную коннотацию (положительную или отрицательную).

Таким образом, образ волка достаточно амбивалентен: он, помимо своей нейтральности, может быть как отрицательным, так и положительным персонажем.

Но чаще всего выступает в качестве отрицательного персонажа, что очевидно, если заглянуть в словарь Владимира Владимировича Даля: *Волк зарезал королю, медведь задрал, бобр унес. Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел. Что у волка в зубах, то Георгий дал. Как ни корми волка, а он все в лес глядит. Волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, да недруг замиреный, равно надежны. Стань ты овцой, а волки готовы. Выть тебе волком за твою овечью простоту. Одна была у волка песенка и ту переняли. Так и быть, с волками выть. Либо с волками выть, либо съедену быть. Волка бояться, и в лес не ходить. Есть волки и в нашем колке. Волку верь в тороках, убитому. Есть шуба и на волке, да пришиита. Говори на волка, говори и по волке, о правде. Волку сеном брюха не набить, так создан. Знать волка и в овечьей шкуре. И то бывает, что овца волка съедает, о не-*

¹ Мифологеми отбиралась Колченковой изд.: Мифологический словарь. М., 1991.

правде, напраслине. Вали волку на холку. Уж волк умылся, а кочеток спел, светает. Несподручно волку с лисой промышлять, силе и хитрости; из сказки. Променил серка на волка. Волк голодай, лиса лакомка. Ни волк, ни пес. Не суйся в волки с собачьим (песьим) хвостом. Кто волком родился, тому лисой не бывать. Не все, что серо, волк. Как волка в хлев пустить. Вызвал волка из колка. Сказал бы словечко, да волк недалечко. Кто веру имеет, что волк овцу пасет? Не клади волку пальца в рот. Волка в пастухи поставили. Ловит волк роковую овцу. Крадет волк и считанную овцу. Было (будет) волку на холку. От волка ушел, да на медведя напал. Веселье волку, как не слышать за собою гонку (голку). Веселье волку, как гоняют по колку. Нанялся волк в пастухи, говорит: как быть, послужить надо. Волка на собак в помощь не зови, неприятеля на друга. Счастье, что волк: обманет, в лес уйдет. Дать денег в долг, а порукой будет волк. Жена поет, а муж волком воет. Хоть волком выть. Смотрит, как волк на теля. Пойми волка слезы. Верь волчьим слезам. Он волком глядит, ненадежен. Бьют волка и в чужом колке; на волка, по общему закону, охота всегда и всюду дозволена. Таскал волк — потащили и волка. Вот волку несут — а как волка-то понесут! Ловит волк, да ловят и волка. Ловит и волк, поколе волка не поймают. После нас, хоть волк траву ешь. Коли конь, да не мой, так волк его ешь! И волки сыты, и овцы целы. Не первая зима волку зимовать. По мне Бог с тобой, хоть волком вой. Он волка чужою собакою травит, а свою приберегает. Бежит волчок, выхвачен бочок? залавок. Стоит волк, опаленный бок заслон. Овце с волками худо жить. Помяни волка, а волк тут. Легок волк на помине. Стал бы кормить и волка, коли б траву ел. И больного волка с овцу станет.

Единицы такого типа приобретают функцию ассоциативных единиц в формировании концепта *волк* и представляют собой так называемые сценарии, являющиеся самыми сложными единицами знаний для того или иного концепта, в данном случае концепта *волк*. Все выше перечисленные сценарии носят отрицательные коннотации, так как существующий опыт, система знаний народа об этом животном, которые превалируют у славянских народов, в основном, негативные. Лишь пословицы-сценарии *Волка ноги кормят; сытый волк смиреннее ненасытного человека; пастухи воруют, а на волка поклеп; на волка помолвка, а пастухи шалят* имеют оттенки положительной оценки. Хотя у некоторых народов (например, киргизов) волк — символ мужества, доблести, геройства. Или у сербов, например, волк может быть тотемом. В семье, если умирал новорожденный, то следующего младенца называли Вуком или Вучицей, чтобы обмануть нечистые, злые силы и ребенок остался бы жить. Интересна сербская легенда о Святом Савве, в обязанности которого входило кормить волков, и который таким образом являлся защитником волков и от волков. В местечке Старый Влах пастухи держали недельный пост (Саввица), посвященный Святому Савве, чтобы волки не охотились на овец (Чайканович 1994, 452–453).

В структуре знаний языковой личности, кроме сценариев, имеются фреймы и гельштаты (Радић-Дугоњић 1999, с. 204–210). Что касается гельштат-структур, то и здесь — отрицательное восприятие волка, точнее речь идет о человеке — кровожад-

ном, злом, коварном и лицемерном: *волк в овечьей шкуре, смотреть волком, с волками жить по-волчьи выть* и др.), что, конечно, не случайно, так как в славянской мифологии «согласно легендам, **черт** слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Хтонические свойства волка сближают его с **гадами**... Волк объединяется с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу... Определяющим в символике волка является признак **«чужой»**. Волка воспринимали как чужого, как посланца иного потустороннего мира...» (Славянская мифология 2002, 85). Кроме того, волк содержит в себе представление древних славян о грабителе, убийце, то есть мифологему «волк-разбойник», которая накладывает отпечаток на метафору *волк зарезал*. Неизменность разбойничьих привычек нашла отражение в поговорке *«Волк каждый год линяет, но обычай не меняет»*, а затем закрепились во фразеологизме *«волчья хватка»* (Маслова 2001, 36).

Фразеологизмы *старый волк, травленный волк, морской волк* передают гельштат *одушевленное существо — опытный*. Это единственно положительные коннотации, связанные с культурными и национальными особенностями этого концепта.

В литературе актуализация архетипического значения может выражаться как в сохранении этого значения, так и в его инверсии — изменении на диаметрально противоположное. Актуализация (как сохранение, так и инверсия) архетипического значения мотива часто зависит от особенности точки зрения, в которой этот мотив функционирует. Поэтому важно выявить в литературном тексте отдельные дискурсы этой мифологемы.

Михаил Булгаков, вводя известную в истории мировой культуры мифологему «волк» в свои тексты, одновременно переосмысляет ее значение, конструирует на этой основе индивидуальный авторский миф и таким образом создает сложно организованный свой вариант этой мифологемы.

Такая мифологема «волк» (Яблоков 1997) встречается уже в ранних произведениях Булгакова, где он является в двух ипостасях — во-первых, это страдающий, одинокий человек — таков, например, доктор в «Записках юного врача» (см. «Полотенце с петухом» — Булгаков 1989, 1, 71–82) — или затравленный, как Алексей Турбин в «Белой гвардии» (Булгаков 1989, 1, 179–430), который в момент петлюровской облавы подчиняется звериным инстинктам и «превращается в мудрого волка», то есть актуализирующаяся и непосредственно соотносящаяся с ситуацией в тексте сема *волк как доброе начало* помогает наиболее адекватному ее восприятию: *«Достаточно познать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. По-волчьи обернувшись на угонке на углу Мало-Провальной улицы, Турбин увидал, как черная дырка сзади оделась /.../ огнем, и, надав ходу, он свернул в Мало-Провальную /.../. Уже совершенно по-волчьи косил на бегу Турбин глазами. Два серых, за ними третий, выскочили из-за угла Владимирской, и все трое вперебой сверкнули. Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь...»* (Булгаков 1989, 1, 347).

Во-вторых, в той же «Белой гвардии» есть и другая ипостась мифологемы «волка» — беспощадный хищник, где на первый план выступает сема *волк как злое начало*. Достаточно подробное описание предводителя бандитской шайки, которая грабит Василису, развернуто именно как портрет волка: «*В первом человеке все было волчье... Лицо его узкое, глаза маленькие, глубоко сидящие, кожа серенькая, усы торчали клочьями, и небритые щеки западали сухими бороздами, он как-то странно косил, смотрел исподлобья... и успел показать, что идет нечеловеческой, ныряющей походкой привычного к снегу и траве существа*» (Булгаков 1989, 1, 368).

Волк как символ одинокого и затравленного появляется у Булгакова у «Белой гвардии»: «*Стали это мы в полночь, ждем смены. Костров, понятное дело, разжечь не можем, деревня в двух верстах, Трактир — верста. Ночью чудится: поле шевелится. Кажется — ползут... Ну, думаю, что будем делать?.. Что? Вскинешь винтовку, думаешь — стрелять или не стрелять? Искушение. **Стояли, как волки были***» (Булгаков 1989, 1, 191).

В более позднем творчестве у Булгакова возникает авторская мифологема *волк*, которая теперь обозначает всякого истинного художника, одинокого и затравленного, — именно таким видится Булгакову в пьесе одиноко стоящий у колонны Пушкин, которого обычно представляют в кругу друзей.

О собственной «многолетней затравленности» М. Булгаков говорит и в письме к Сталину от 31 мая 1931 г., где слова «волк» и «литератор» выступают в окказиональном синонимическом ряду: «*На широком поле российской словесности в СССР я был один-единственный литературный волк... Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе... Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии...*» (Булгаков 1990, 5, 454–455). Опять появляется сема *волк как враждебное человеку животное*, так как по отношению к писателю власти ведут себя достаточно агрессивно — травят его, загоняют в тупик, доводят до состояния безысходности: («*Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание*» — с.455). И к вышеуказанной семе присоединяется сема *волк как наказание, посылаемое свыше*. «*За семь последних лет, — писал Булгаков Борису Асафьеву 2 октября 1937 года, — я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно... В доме у нас полная бесперспективность и мрак.*».

Зато гонители истинного творчества оказываются — сродни волкам уже в прямом значении этого слова — хищными зверями. Не случайны в «Записках покойника» псевдоним фельетониста, напавшего на Максудова, — *Волкодав* (давящий волков), и фамилия Ликоспастов, которая недвусмысленно восходит к волку — греческому «ликос» — и может осмысляться как «волчья пасть» (ср. иное толкование волчьей сути Ликоспастова в статье А. Арьева — 1988: 443).

Интересно перефразирование пословицы *с волками жить — по-волчьи выть* в индивидуально-авторскую у *зулусов жить — по-зулусьи выть* в романе «Белая гвардия». Немцам все равно, кто сейчас у власти в Киеве. Они не в состоянии боль-

ше разобраться в хаосе начавшейся гражданской войны в непонятной им стране: «— Куда? Кто? Зачем?»

— *Командующий, генерал от кавалерии Белоруков.*

Ну, это, конечно, другое дело. Это, пожалуйста. В стеклах кареты, в глубине, бледное усатое лицо. Неясный блеск на плечах генеральской шинели. И тазы немецкие козырнули. Правда, в глубине души им все равно, что командующий Белоруков, что Петлюра, что предводитель зулусов в этой паршивой стране. Но тем не менее... У зулусов жить — по-зулусы быть. Козырнули тазы. Международная вежливость, как говорится» (Булгаков 1989, 1, 267).

В ряде текстов Булгакова ему (волку) противостоит «собака», что, конечно, не случайно. Ведь и в «Словаре языческой мифологии славян» и в Словаре Владимира Даля отмечено, что волк — одно из наиболее мифологизированных животных. Близок по своим мифологическим функциям другим хищникам (ворону, рыси и особенно медведю) и тесно связан с собакой.

Это становится особенно заметным в эпистолярных Булгакова, в частности, в его письмах к правительству СССР и к Сталину, сам жанр которых предполагает публицистическую обнаженность сравнения. Ср.: «Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя» (ср. также «собачью») направленность многочисленных цитат из критики, приведенных Булгаковым в письме правительству СССР — Булгаков 1990, 5, 454–455). «Картинка», внутренняя форма устойчивого словосочетания *волк в овечьей шкуре* в данном письме выдвигается на первый план, и появляется окказиональная, булгаковская, мифологема *волк — отверженный*, которая проходит практически по всему творчеству Булгакова:

«А на Горку кто полезет? Абсолютная глупость. Да еще и ветер там на высотах... пройдет по сугробным аллеям, так тебе чертовы голоса померещатся. Если бы кто и полез на Горку, то уж разве какой-нибудь совсем отверженный человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае. Полный мизерабль, как у Гюго.» (Булгаков 1989, 1, 268). Или:

«Утром возле трех машин в мутном рассвете была горестная суета с фонарями. Капитан Плешко был бледен, оглядывался, как волк, и требовал механика. Тут-то и начались катастрофы. Механик исчез. Выяснилось, что адрес его в дивизионе вопреки всем правилам совершенно неизвестен.» (Булгаков 1989, 1, 294).

Там же:

На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчаса сидела, страдая на морозе, но жадно наблюдая через предательскую щель над верхним краем простыни работу инженера, навлекшего беду именно простыней на зелено окрашенном окне. Пружинно прыгнув в сугроб, фигура ушла вверх по улице, а далее провалилась волчьей походкой в переулках, и метель, темнота, сугробы съели ее и замели все ее следы (Булгаков 1989, 1, 202).

Актуализация семы *волк как сильное животное* отмечено также и в традиционной интерпретации. Так, в основу сопоставления портретов Пушкина и самого Булгакова положены те две детали, которые, кроме зафиксированного значимого одеяния Пушкина в пьесе «Александр Пушкин», вошли в описание его внешности в сцене на балу — волосы и глаза. Именно такими лаконичными средствами набросан его портрет: «...волосы всклокоченные, а глаза горят, как у волка...» (Булгаков 1990, 3, 483). Состояние одиночества и затравленности, которые Булгаков подчеркивает у Пушкина (как, впрочем, и у Гоголя, что делает упомянутое триединство еще более явственным), проецируются им на собственное душевное состояние. Не случайно, например, в соответствующих ситуациях Булгаков порой прибегает к парафразе пушкинских строк: так, в письме Е. Замятину он обыгрывает псевдоним и прозвище своего адресата — «На душе и зуйно, и фонно» (Булгаков 1990, 4, 430), проецируя конструкцию фразы на пушкинское «и кюхельбекерно, и тошно» (см. об этом: Булгаков 1990, 5, 694).

Видимо, с той же целью Булгаков придает автобиографическим героям и образу автора уже найденные им портретные характеристики Пушкина, причем в качестве главенствующей черты выделены глаза — «...глаза. Нехорошие. Опять с блеском» (1, 506). Смотрит, по словам Ликоспастова, «волчьими глазами», (Булгаков 1990, 4, 409) и Максудов, который к тому же, внезапно взглянув на себя в зеркало, видит в нем «лицо со сморщенным лбом, оскаленными зубами и глазами, в которых читалось не только беспокойство, но и задняя мысль» (Булгаков 1990, 4, 534). Как и в случае с Гоголем, сопровождает эти описания тема героя-безумца.

Так или иначе, семы мифологемы *волк (волк как сильное животное, волк как доброе начало, волк как злое начало и волк как враждебное человеку животное)* появляются довольно часто в произведениях Михаила Булгакова. Например,

Собачье сердце: «Затем ослаб, полежал, а когда поднялся, шерсть на нем стала вдруг дыбом, почему-то в ванне померещились отвратительные *волчьи глаза*...» (Булгаков 1989, 2, 153). (Семы — *волк как злое и враждебное человеку начало*);

Мастер и Маргарита: «Живое тепло потекло по ее животу, что-то мягко стукнуло в затылок, вернулись силы, как будто она встала после долгого освежающего сна, кроме того, почувствовался *волчий голод*» (Булгаков 1990, 5, 268) (Вариант семы: *волк как сильное животное*);

«Аннушка к самым глазам подносила драгоценность, и глаза эти горели совершенно *волчьим огнем*, в голове у Аннушки образовалась вьюга» (Булгаков 1990, 5, 288) (Семы: *волк как злое и враждебное человеку начало*);

Дни Турбиных К и р п а т ы й . Ишь, *волчонок!* Ах *сукино отродье!*

У р а г а н . Не уйдешь! Не уйдешь (Булгаков 1990, 3, 57) (Семы: *волк как злое и враждебное человеку начало*);

Белая гвардия: « Кто честен и не *волк*, идет в добровольческий полк...» (Булгаков 1989, 1, 249) (Семы: *волк как злое и враждебное человеку начало*).

Итак, в произведениях Булгакова отдельные семы архетипического значения актуализируются в зависимости конкретной ситуации, от окружающего контекста.

Ему удается адекватно реализовать образ не только затравленного человека-волка, как «мифологического» персонажа, но и атрибутов, характерных для волка, но приписываемых человеку. Везде налицо актуализация сем архетипического значения, зафиксированного мифами.

Обратим особое внимание на тот факт, что чаще всего актуализируется сема: *волк как враждебное человеку животное* — поэтому его травят. Следует отметить, что в дискурсе волка у Булгакова актуализируются все отмеченные в данных текстах семы (*волк как сильное животное, волк как доброе начало, волк как злое начало; волк как наказание, посылаемое свыше, и волк как враждебное человеку животное*. 5 из 11 выделенных сем. А главенствующей является сема из славянской мифологии — затравленный, одинокий, которая в булгаковских текстах становится положительной, и волк начинает вызывать сочувствие и сострадание. И, может быть, именно это является отличительной характеристикой булгаковской мифологии волк. «Волк — отверженный».

Исходя из всего сказанного, можно отметить, что актуализация архетипического значения возможна в той же мере при любых интерпретациях. Это связано, на наш взгляд, с тем, что архетип реализует свое значение в тексте независимо от воли автора, у которого архетип существует на подсознательном уровне, априорно. Таким образом, архетипическое значение объективно существует в тексте и реализуется независимо от способа интерпретации.

Более того, если учесть, что архетип есть закрепление универсальных нравственных ценностей, неких изначальных законов бытия, то волк (как впрочем и человек, несмотря на оппозицию волка и человека в произведениях Булгакова) выступает у него как носитель этих универсалий. Только эталонное и стереотипное могло лечь в основу языкового знака, так как язык хранит и передает из поколения в поколение только то, по верному определению В. Н. Телии (Телия 1993, 69), что прямо или опосредованно соотносится с эталонами, стереотипами и мифологемами национальной культуры, как материальной, так и духовной.

ЛИТЕРАТУРА

- Арьев 1988: Арьев А. «Что пользы, если Моцарт будет жив...» (Михаил Булгаков и Юрий Слезкин) // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 425–444.
- Белобровцева Кульюс 1999: Белобровцева И., Кульюс С. А. *Пушкин и Сашка Рюхин: «Медный всадник» в «Мастере и Маргарите»* // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 161–168.
- Белобровцева, Кульюс 1996: Белобровцева И., Кульюс С. «Бывают странные сближенья...»: «Мастер и Маргарита» — постмодернистский роман? // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V. Studia Helsingiensia 16*. Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Хельсинки, 1996. С. 375–381.
- Белобровцева, Кульюс 1998: Белобровцева И., Кульюс С. *Проблема прототипа в творчестве М. Булгакова (очевидное и скрытое)* // Блоковский сборник XIV. Тарту, 1998. С. 168–187.

- Булгаков 1989–1990/1: Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1989–1990/1. Далее все ссылки на это издание даны в основном тексте с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.
- Булгаков 1992: Булгаков М. *Великий канцлер*. М., 1992.
- Даль В. *Толковый словарь живаго великоруского языка*. — М.: Русский язык, 1978
- Колченкова Е. Г. *Архетипический мотив волка в «Охоте на волков»*, М., 2007.
- Маслова В. А. *Лингвокультурология*. М., Akadema, 2001.
- Мифологический словарь*. М., 1991.
- Радић-Дугонић 1999: Радић-Дугонић М., *Коцејџуална анализа имена „срце“ у руском и српском језику*, В књ.: Реч. Смисао. Сазнање. Београд, 1999, с. 204–210.
- Ристић С., Радић-Дугонић М., *Реч. Смисао. Сазнање*. Београд, 1999.
- Славянская мифология. *Энциклопедический словарь*. М.: Международные отношения, 2002.
- Телия В. Н. Культурологический компонент фразеологии (к проблеме культурно-национального миропонимания). В кн.: *Язык и культура. Вторая международная конференция. Тезисы. Часть 1*, Киев, 1993, с. 69–70.
- Чажкановић Веселин. *Студије из српске религије и фолклора 1910–1924*, Београд, 1994.
- Яблоков Е. А. *Мотивы прозы Михаила Булгакова*. М., 1997.

ЛАРИСА РАЗДОБУДКО-ЧОВИЋ

МИТОЛОГЕМА „ВУК“ У СТВАРАЛАШТВУ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Резиме

У словенској митологији митологема *вук* је једна од најпознатијих и често заступљених у модерној уметничкој књижевности, и то од оних најпростијих, семантички прозирних, па све до оних најсложенијих, какве се махом срећу у позном стваралаштву Булгакова, и то у више варијаната. У овом раду се презентују све те бројне варијанте у делу Булгакова и нуди одговарајуће тумачење.

Кључне речи. Митологема, архетип, мит, сема, гелштат, фрејм, сценариј, концепт.